

Юбилейные штудии

**К 125-летию со дня рождения
Бориса Валентиновича Яковенко (1884 – 1949)**

**Б.В. ЯКОВЕНКО И ФИЛОСОФИЯ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

О.Т. ЕРМИШИН

Вопрос о взаимодействии Б.В. Яковенко с русской эмиграцией предполагает рассмотрение двух главных аспектов. С одной стороны, следует обратить внимание на непосредственный диалог Яковенко с представителями русской эмиграции, с другой стороны, имеет значение отношение Яковенко к русской философии в контексте общего интереса к ней в эмиграции. Несмотря на небольшое число исследований, посвященных Яковенко¹, возникло представление о нем как об ученом, выпавшем из эмигрантского окружения и даже противостоящем духовной, философской традиции русского зарубежья. Попытаемся, насколько возможно, разобраться с этим представлением на основе известных фактов².

Период, который Яковенко провел в Италии (1913 – 1924), напрямую не связан с темой настоящей статьи. Русские политические эмигранты начала XX в. не были отделены от родины непреодолимой пропастью, они, скорее, просто сознавали вынужденную необходимость находиться вне России, в которую предполагали рано или поздно вернуться. Послереволюционная русская эмиграция была уже совсем другой – и по масштабу, и по самосознанию. С этой русской эмиграцией Яковенко по-настоящему соприкоснулся только после переезда в Прагу в конце 1924 г. К тому времени Прага была одним из центров русской эмиграции, в ней сложилась особая ситуация – общественно-политическая, научная, образовательная, культурная, религиозная. О диалоге Яковенко с соотечественниками в эмиграции свидетельствует сама по себе его активная переписка, о которой А.М. Шитов пишет: «Среди тех, с кем Борис Валентинович интенсивно переписывался – Ф. Степун, Н. Бердяев, П. Сорокин, И. Лапшин, С. Гессен, Д. Чижевский, Н. Лосский, В. Винниченко и многие, многие другие»³.

Пражский период для Яковенко начался с вступления в Пражскую группу Общества русской философии (с 1926 г. переименованного в Философское общество) и выступления с докладом «Сущность плюрализма» на первом заседании Общества 11 декабря 1924 г. После этого больше неизвестно ни одного выступления Яковенко в Философском обществе, хотя сохранился полный список докладов за 1924 — 1928 гг. По этому поводу исследователи недоумевают, признавая данный факт загадочным или объясняя его некими внешними причинами (например, проживанием Яковенко за пределами Праги, в Мариенбаде).

Для начала отметим психологическую разницу между Яковенко и другими русскими философами, с которыми ему пришлось общаться в эмиграции. Безусловно, у тех русских эмигрантов, которые пережили революцию, Гражданскую войну, холод и голод, угрозы смерти, изменилось сознание, мировоззренческие и ценностные ориентиры. Яковенко не имел трагического опыта жизни в революционной и большевистской России и поэтому оказался в ситуации взаимного непонимания даже со своими вчерашними единомышленниками С.И. Гессеном и Ф.А. Степуном, работы которых в эмиграции приобретают новые акценты. Если внимательно просмотреть список докладов в пражском Философском обществе за 1924 — 1928 гг., то легко увидеть, что интересы Общества смещаются в сторону конкретного материала (преимущественно историко-философского характера), а «строгая наука» становится периферийной темой. Например, С.И. Гессен активно занимается педагогикой и творчеством Ф.М. Достоевского, а Ф.А. Степун — публицистикой на актуальные политические темы (цикл статей «Мысли о России»). Яковенко в 1924 г. продолжал жить дореволюционной философской тематикой и оказался своего рода «лишним человеком» в пражском Философском обществе.

Следующий, 1925-й, в жизни Яковенко был связан с попыткой возродить дореволюционный «Логос». Попытка эта ограничилась выпуском одного номера, после чего журнал «Логос» прекратил существование. Исследователи опять же строят разного рода догадки: то ли из-за финансовых проблем журнал перестал выходить, то ли из-за идейных разногласий.

Издательская деятельность русской эмиграции уже достаточно изучена, и можно говорить о некоторых ее особенностях. Финансов, конечно, не хватало на издательские нужды, поэтому издатели выпускали только то, что окупалось полностью или в значительной мере. Например, случай, похожий на происшедший с «Логосом», имел место в 1923 г., когда издательство «Пламя» взялось за печатание курса «Лекций по истории новой философии» Л.М. Лопатина (1855 – 1920). Издательство анонсировало издание в трех выпусках, но вышел только первый выпуск «Кант и его ближайшие последователи». Как и курс лекций Лопатина, журнал «Логос» был специальным научным изданием. В «Логос» (1925 г.) вошли научные статьи Б.В. Яковенко, Н.О. Лосского, В.Э. Сеземана, С.И. Гессена, Г. Риккерта, В. Шкраха. В то время он не мог иметь многочисленных подписчиков и читателей. Можно было бы предположить, что издательство «Пламя» согласилось на выпуск «Логоса» с тем, чтобы посмотреть, что получится на примере первого номера. Однако лучше отказаться от разного рода предположений и обратиться к фактам, в том числе до сих пор малоизвестным. Так, утверждение, что Яковенко готовил в 1925 г. «Логос» один⁴, мало соответствует действительности. Переговоры с издательством «Пламя» вел не Яковенко, а С.И. Гессен, который и заключил договор с издательством⁵. Таким образом, Яковенко выпускал журнал не один, а вместе с Гессеном: один занимался редактированием, другой – переговорами и организационной деятельностью. Следовательно, вопрос об издании «Логоса» решал Гессен, а не Яковенко, который никак не мог повлиять на издательские дела. Гессен же, узнав о возникших трудностях издательства «Пламя»⁶, передал второй номер «Логоса» в берлинское издательство И.П. Ладыжникова, в котором журнал так и не вышел.

После выпуска единственного номера «Логоса» в научной биографии Яковенко существует пробел: о его деятельности в 1925 – 1926 гг. мало что известно. С 1927 г. Яковенко начинает активную деятельность по установлению различных научных и издательских связей. Сначала он становится автором и активным сотрудником чешского журнала «Рух Филозофицки» («Философское движение»). Позднее Яковенко удалось заинтересовать немецкое издательство

одним из своих проектов и в течение пяти лет выпускать журнал «Der russische Gedanke» («Русская мысль», 1929 – 1934) на немецком языке. В результате новые философские сочинения Яковенко выходят на чешском и немецком языках. Чем это было вызвано? Прежде всего, известны отрывки из писем (1925 – 1927) Яковенко к издателю Е.А. Ляцкому с заявлениями первого о своем тяжелом финансовом положении⁷. Исходя из этого, логично предположить, что Яковенко искал финансовые источники существования и нашел их там, где это удалось. Подтверждение тому – недавняя публикация писем Б.В. Яковенко к О. Зибеку, подготовленная В.В. Янценом⁸. Из публикации видно, что на протяжении 1928 г. Яковенко написал семь писем в издательство Мора – Зибек (Тюбинген) с предложениями семи разных издательских проектов. На все предложения Яковенко получал вежливый, но твердый отказ. Издательство Мора – Зибек, вероятно, было не единственным адресатом Яковенко, поскольку отклоненный Зибеком проект «Русской мысли» на немецком языке был поддержан другим издательством. В. Янцен в примечаниях к публикации отметил один курьез: Яковенко плохо знал немецкий этикет и не догадывался, что письма от О. Зибек подписаны не лично им, а названием издательства, в результате подготовленный им сборник к 80-летию Т. Масарика он послал на имя Пауля Зибек, умершего в 1920 г. В. Янцен по этому поводу кратко заметил: «Таким образом, Яковенко за время своей переписки с О. Зибеком так и не разобрался, с кем переписывался»⁹. Можно сказать, что в силу стечения обстоятельств Яковенко оказался в сложной ситуации: он не стал органической частью западноевропейской или русской эмигрантской философии, а занял место своеобразного «транслятора» (проводника) между русской и западной мыслью. После провала «Логоса» в 1925 г. Яковенко, вероятно, задумался над причинами неудачи, в результате чего позднее перешел от теоретических изысканий к историко-философским исследованиям. Однако этот переход не был отказом от философствования, которое просто обрело новые формы и новую тематику. Яковенко переживает философскую эволюцию, которую можно проследить на примере его историко-философских исследований. Если, например, в 1915 г.

Яковенко опубликовал резко критическую статью «Философия отчаяния» о книге П. Флоренского «Столп и утверждение Истины», то в январе 1928 г. он предлагал в качестве первого проекта О. Зибеку перевести на немецкий язык и издать это произведение, которое, по его мнению, «является самым значительным, самым ценным, самым оригинальным и самым интересным из созданного новой русской религиозной философией»¹⁰. Эта цитата показывает, что Яковенко как мыслитель никак не укладывается в идеологические схемы, согласно которым он был последовательным «западником» и непримиримым борцом с религиозной философией. Изпод этих схем всплывают противоречащие им факты, которые стоит рассмотреть, но не с идеологической, а с исследовательской точки зрения. Если отказаться от поверхностных концепций о противостоянии западника Яковенко религиозной философии русской эмиграции, то можно увидеть некоторые очевидные факты и понять место Яковенко в философии русской эмиграции. Безусловно, в русской эмиграции одной из ведущих философских традиций стала религиозная мысль. Яковенко, действительно, с этой традицией имел мало общего, но это не значит, что у него происходит полный разрыв с основами русского бытия и культуры. Яковенко ищет свой оригинальный путь, постепенно обретает новые ориентиры и идеалы.

Следует отметить, что изучение русской философии имело большое значение для мыслителей русского зарубежья. Неслучайно, что все наиболее известные «Истории русской философии» написаны эмигрантскими авторами — Б.В. Яковенко (1939), В.В. Зеньковским (1948 — 1950), Н.О. Лосским (1951). Чтобы понять причины их появления, необходимо учитывать идейный и духовно-мировоззренческий контекст этих работ. В эмиграции многие русские ученые и исследователи обращаются к новым для себя историко-философским темам, ищут истоки и основы русской культуры. Для них изучение русской мысли стало особым опытом самопознания. Через такой опыт личного самопознания прошел, на мой взгляд, и Борис Яковенко.

Поскольку о Яковенко как об историке русской философии уже есть специальные статьи¹¹, остановимся только

на главных, принципиально важных моментах его историко-философской концепции. Если в «Очерках русской философии» 1922 г. Яковенко сделал основной акцент на неоригинальности русской мысли и отсутствии традиции, то в «Истории русской философии» 1939 г. акценты существенно смещаются в другую сторону. Следует иметь в виду, что эволюция взглядов Яковенко не означала радикального пересмотра его прежних убеждений. Его мировоззренческие основы остаются неизменными. Неслучайно Ф.А. Степун в 1939 г. писал в воспоминаниях, что система плюрализма и «поныне» составляет неизменную сущность писаний Яковенко¹². Странно, что никто не обратил внимания на очевидный факт: система плюрализма является своеобразным «ключом» к пониманию «Истории русской философии» Яковенко. В работе «Сущность плюрализма» Яковенко утверждал «одновременно и абсолютность, и многообразие истин»¹³, а в «Истории русской философии» он исследовал на конкретном материале идею плюрализма, т.е. систему русской мысли как целое, данное в многообразии.

В понимании русской философии Яковенко прежде всего акцентирует внимание на разнообразных формах ее развития. По его мнению, в XIX в. самым значительным явлением стала философская публицистика, наложившая неизгладимый отпечаток на русскую мысль. Яковенко признал публицистичность «одним из классических проявлений русского духа и ума»¹⁴. Исходя из этого, общая оценка философских явлений и их научной значимости у Яковенко теряют строгость и однозначность. Например, евразийское движение, отрицаемое и критикуемое в русской эмиграции с разных идеологических точек зрения¹⁵, представлено в конце книги Яковенко объективно и вполне благожелательно. Для Яковенко русская философия не замкнута в рамках научной традиции, а есть сложная система идейной диалектики, которая включает все многообразие национальной мысли. Такое понимание определяет для Яковенко особенности подхода к исследованию русской мысли: 1) изучение не с точки зрения «чистой философии», а с общекультурной точки зрения; 2) принципиальный отказ от оценок, поскольку все истины признаются равноценными; 3) признание религии и науки основными областями культу-

ры, главными источниками философствования; 4) в методологии — отказ от «надуманного теоретизирования» и «искусственных конструкций»; 5) мнение, что «предназначение русского ума, а тем самым и задача философствования состоит в устранении основных противоречий и антиномий», «осуществлении конечного синтеза»¹⁶. Яковенко создает целостную панораму русской мысли, доказывая тем самым, что «русская философия в точном смысле слова есть не что иное, как совокупность многообразных философских и вообще идейных проявлений, размышлений и построений, возникших на территории русского государства в национальной среде»¹⁷. Такое понимание глубины, масштабности и культурного значения русской мысли сближает Яковенко с философией русской эмиграции, с ее мировоззренческими установками. Общая тенденция русской эмиграции, направленная на осмысление истоков и основ русского бытия, вполне естественна и понятна даже просто в контексте самосохранения тех людей, которые оказались на чужбине, их самосохранения как части русского народа. Яковенко не выпал из этого движения, но нашел себе в нем оригинальное и неповторимое место как историк русской мысли.

О том, что книга «История русской философии» 1939 г. мыслилась Яковенко как своеобразное введение в дальнейшие исследования, известно из следующей публикации. На «Историю русской философии» написал «внутреннюю» рецензию И.И. Лапшин, на замечания рецензента есть ответ Яковенко (оба текста опубликованы в 2006 г.¹⁸). В ответ на замечание Лапшина о пробелах в изложении материала Яковенко предложил издательству дополнительно написать обзоры по семи темам (логика, философия науки, философия права, психология, история философии в России, иностранные влияния на русскую мысль, влияния русской мысли на иностранную). Кроме того, на предложение Лапшина в дальнейшем продолжить работу описанием ряда крупных фигур в русской философии, Яковенко ответил: «Это как нельзя более совпадает с моими собственными намерениями. В течение ближайших лет я охотно написал бы монографии следующих русских мыслителей: Чаадаева, Белинского, Герцена, Хомякова, Киреевского, Бакунина, Чернышевского, Лав-

рова, Михайловского, Соловьева, Чичерина, Лопатина, Достоевского, Толстого, Федорова. В первую очередь пошли бы Чаадаев, Белинский, Соловьев и Достоевский»¹⁹. Из данного списка вкусы и предпочтения Яковенко вполне очевидны. К сожалению, был осуществлен только один проект: в 1948 г. Яковенко подготовил к изданию на чешском языке 400-страничную монографию «Виссарион Григорьевич Белинский», которая должна была открыть серию «Русские мыслители». Книга была уже сверстана, но запрещена цензурой, а в январе 1949 г. Яковенко умер. В предисловии к своей последней книге Яковенко писал о том, что серия «Русские мыслители» предполагает «познакомить читателя с рядом выдающихся русских мыслителей, принадлежащих как неотъемлемая часть к тому целому, которое можно назвать русской духовной культурой, и эту культуру направляющих и определяющих. При этом автор будет стараться оставлять в повествовании как можно меньше следов своего присутствия, вместо собственной интерпретации и стилизации щедро предоставляя слово тому, о ком рассказывается. Только так, с точки зрения автора, можно достигнуть той всесторонности, той непредвзятости и той объективности изложения, без которых не могут существовать ни серьезная историография, ни подлинная научность, ни вообще естественность и прямота»²⁰. Русская духовная культура в качестве источника личного философствования и объективность изложения как подлинная научность есть, по сути, те философские идеалы, к которым Яковенко пришел в конце жизни, пройдя долгий и сложный путь — от апологии немецкой философии к осмыслению русской культуры, итогом чего стало почитание В.Г. Белинского как символа русского духа и свободы мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Плотников Н.* Европейская трибуна русской философии: Der russische Gedanke (1929 – 1938) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1999 г. М., 1999; *Магид С.* Философ Яковенко (Подготовительные материалы) // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (Менее известные аспекты). – Прага, 1999; *Магид С.* Борис Яковенко и Фердинанд Пелликан // Вестник РХГА. 2006. Т. 7. Вып. 2; *Ермичев А.А.* О неокантианце Б.В. Яковенко и его месте в русской философии // *Яковенко Б.В.* Мошь философии. – СПб., 2000; *Ермичев А.А.* Б.В. Яковен-

- ко — русский исследователь философии И.Г. Фихте // *Яковенко Б.В. Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте.* — СПб., 2004; *Ермишев А.А.* «...На основе географических и этнографических соображений...» (Учение Б.В. Яковенко о русской философии) // *Вопросы философии.* 2008. № 8; *Солодухин Ю.Н.* Отруде Б.В. Яковенко «История русской философии» // *Яковенко Б.В. История русской философии.* — М., 2003; *Шитов А.М.* Борис Валентинович Яковенко — факты биографии // *Яковенко Б.В. Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте.* — СПб., 2004; *Шитов А.М.* Запоздалые заметки о книге «История русской философии» Б.В. Яковенко // *Вестник РХГА.* 2006. Т. 7. Вып. 2.
- ² Факты о жизни и философской деятельности Яковенко, например, собраны в упомянутой выше статье А.М. Шитова «Борис Валентинович Яковенко — факты биографии».
- ³ *Шитов А.М.* Борис Валентинович Яковенко — факты биографии. — С. 440.
- ⁴ С. Магид пишет о Яковенко: «Конечно, этот номер “Логоса” готовил к печати он один. Гессен помогал ему чисто номинально...» (*Магид С.* Философ Яковенко (Подготовительные материалы). — С. 287).
- ⁵ Сведения о роли С.И. Гессена в издании «Логоса» любезно сообщил А.М. Шитов (Прага) на основе материалов из личного архива Б.В. Яковенко (письма С.И. Гессена к Б.В. Яковенко).
- ⁶ Современный чешский исследователь пишет об издательстве «Пламя»: «Неблагоприятные условия зарубежного русского книжного рынка и затруднения, с которыми встречались книги на пути в СССР, привели к сокращению и затем к приостановке издательской деятельности по выпуску русских книг, хотя фирма «Пламя» просуществовала до самой гитлеровской оккупации в 1939 г.» (*Вацек Й.* Пражские издательства // *Литературная энциклопедия русского зарубежья.* 1918 — 1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. — М., 2000. — С. 331).
- ⁷ См.: *Магид С.* Философ Яковенко (Подготовительные материалы). — С. 288 — 289.
- ⁸ *Яковенко Б.В.* Переписка с О. Зибекем (1928 — 1931) // *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2004/2005 г.* — М., 2007.
- ⁹ Там же. — С. 331.
- ¹⁰ Там же. — С. 312.
- ¹¹ Статьи Ю.Н. Солодухина (2003), А.М. Шитова (2006), А.А. Ермишева (2008) — см. примеч. 1.
- ¹² *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. — СПб., 2000. — С. 116.
- ¹³ *Яковенко Б.В.* Мошь философии. — СПб., 2000. — С. 291.
- ¹⁴ *Яковенко Б.В.* История русской философии. — М., 2003. — С. 66.
- ¹⁵ См.: *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство: Poleмика вокруг евразийства в 1920-х годах // *Тридцатые годы: Утверждения евразийцев.* — Прага, 1931. Кн. 7.
- ¹⁶ *Яковенко Б.В.* История русской философии. — С. 20.
- ¹⁷ Там же. — С. 459.
- ¹⁸ См.: Иван Иванович Лапшин и Борис Валентинович Яковенко: переключка философов / Публикация и примечания А.М. Шитова // *Вестник РХГА.* 2006. Т. 7. Вып. 2.
- ¹⁹ Там же. — С. 209.
- ²⁰ *Магид С.* Философ Яковенко (Подготовительные материалы). — С. 301.